

16. League of Nations. Subject List No. 65 of Documents Distributed to the Council and the Members of the League during September 1926. – Geneva, 1926. – 31 p.
17. Documents on British Foreign Policy. Ser. IA. – London: Her Majesty's Stationery Office, 1975. – Vol. VI. – LV, 880 p.
18. Neue Freie Presse. 1928. März 21.
19. The National Archives (Great Britain). – FO 371/11243.
20. The Times. 1927. September 12.
21. Rodgers, H. I. Search for Security. A Study in Baltic Diplomacy, 1920–1934 / H. I. Rodgers. – Hamden : Archon Books, 1975. – XII, 181 p.
22. Магадеев, И. Э. В тени Первой мировой войны: Дилеммы европейской безопасности в 1920-е годы / И. Э. Магадеев. – М.: Издательство «Аспект Пресс», 2021. – 864 с.
23. Akten zur Deutschen Auswärtigen Politik. Ser. B. – Göttingen: Vandenhoeck & Ruprecht, 1974. – Bd. VI. – XLIX. – 567 S.
24. Commons Sitting on 27 June 1928. Rhineland (Evacuation) // Hansard 1803–2005. Ser. 5. Vol. 219. Column 509. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: [https://hansard.parliament.uk/Commons/1928-06-27/debates/511ee750-dee8-4d4e-a766-2d5930d5665b/Rhineland\(Evacuation\)](https://hansard.parliament.uk/Commons/1928-06-27/debates/511ee750-dee8-4d4e-a766-2d5930d5665b/Rhineland(Evacuation)) – Дата доступа: 20.03.2025.
25. Manchester Guardian. 1928. June 28.
26. Documents on British Foreign Policy. Ser. IA. – London: Her Majesty's Stationery Office (HMSO), 1966. – Vol. I. – LXXIII, 881 p.
27. The National Archives (Great Britain). – FO 371/12871.
28. Документы внешней политики СССР : в 24 т. – М.: Политиздат, 1966. – Т. XI. – 792 с.

УДК 94:327(410:438)«192»

Е. Н. Дубровко

Гомельский государственный
университет имени Ф. Скорины

ПОЛЬША ВО ВНЕШНЕПОЛИТИЧЕСКОЙ КОНЦЕПЦИИ И ДЕЯТЕЛЬНОСТИ БРИТАНСКИХ ЛЕЙБОРИСТОВ В СЕРЕДИНЕ 1920-Х ГОДОВ

Предметом исследования в статье является место Польши в европейских отношениях по оценкам британских лейбористов в середине 1920-х годов. Охарактеризованы на основе документальных и повествовательных

источников оценки и внешнеполитические действия политиков-лейбористов в отношении польского государства. Показано, что во всех своих проявлениях они были исключительно прагматичны.

Политика крупных геополитических игроков в отношении малых и средних государств Центральной и Восточной Европы, её движущие мотивы и итоги являются актуальным объектом исследования для исторической науки Беларуси, чьё население и территория не раз ощущали на себе её воздействие. Историческим примером такого явления, ставшим объектом нашего исследования, является политика Великобритании в отношении Польши в годы между Первой и Второй мировыми войнами (или как обозначили организаторы конференции «от Версаля до Потсдама» – Е. Д.). Интерес к нему в немалой степени связан с тем, что в состав польского межвоенного государства входили западные территории современного белорусского государства с белорусским населением, что тесно связывает этот сюжет с отечественной историей.

Этот сюжет в целом не новый для историографии – ведущую роль здесь сыграли польские историки [1; 2] – имеет ещё ряд аспектов, которые требуют анализа и осмысления. Предметом нашего исследования стало место Польши в европейских отношениях по оценкам британских лейбористов в середине 1920-х годов, когда они впервые не на долгий период пришли к власти и их внешнеполитические установки столкнулись с практикой международных отношений.

В русскоязычной советской историографии и выросшей на её основе современной русскоязычной исторической науке внешняя политика лейбористов в указанное время вызывала и продолжает вызывать особый интерес прежде всего в связи с предпринятым ими актом признания СССР в 1924 г. [3–7]. Однако в последние годы нельзя не отметить проявление интереса и к принципам политики Соединённого Королевства в отношении центрально- и восточноевропейского региона [8], что подтверждает актуальность избранной нами темы.

Для проведения исследования привлекались как документальные, так и повествовательные источники. Наиболее информативные – материалы делопроизводства британского Форин Оффис, материалы парламентских дебатов, программные документы лейбористской партии. Среди повествовательных источников – публицистические работы политиков-лейбористов.

22 января 1924 в Лондоне был сформирован лейбористский Кабинет Рамсея Макдональда. В манифесте лейбористов 1922 г. внешнеполитическая концепция включала такие тезисы как «пересмотр мирных договоров как важный шаг к миру» и «широкие возможности для Лиги

Наций по урегулированию международных проблем» [9, р. 38–41]. В манифесте 1923 г. появились новые пункты: политика международного сотрудничества посредством укрепления и расширения Лиги Наций; урегулирование споров путем примирения и судебного арбитража; немедленный созыв Британским правительством Международной конференции (с участием Германии на равноправных условиях) для рассмотрения вопроса о пересмотре Версальского договора, особенно репараций и долгов; возобновление свободных экономических и дипломатических отношений с Россией. «Это проложит путь к разоружению – единственной безопасности для народов» [10]. Именно позиция лейбористского правительства в отношении Германии вызывала большие опасения в Варшаве. Признание же де юре в феврале 1924 г. СССР было воспринято как естественный ход вещей [1, s. 240].

4 февраля 1924 г. в «Дейли Геральд» Филип Сноуден писал о ревизии Версальского договора в вопросе репараций, 23 февраля Артур Гендерсон на митинге говорил также о ревизии территориальных вопросов и призывал к новой международной конференции с этой целью. В такой обстановке 27 февраля польский посол Константин Скирмунт даже вручил меморандум Р. Макдональду с указанием, что озвученная позиция может положить конец мирной атмосфере [2, s. 58]. Ситуация вызывала обеспокоенность в Польше.

С 9 января по 27 июля 1924 года министром иностранных дел Польши был Мориций Замойский, к которому в Соединённом Королевстве относились приязненно, озвученная им позиция казалась примирительной: в отношении СССР главной целью является налаживание отношений, нужно работать «с такой Россией, какая есть», надо стремиться восстановить с ней торговлю; в отношении Германии – ставка на улучшение отношений. Такая позиция импонировала Р. Макдональду, который 13 марта 1924 г. прислал телеграмму посланнику в Варшаве Уильяму Макс Мюллеру, где поручил засвидетельствовать графу Замойскому, что он со своей стороны его приветствует и поддерживает стремление к расширению отношений между их странами [1, s. 240–241].

Эти действия также соответствовали рекомендациям эксперта Форин Оффис Реджинальда Липера, который ещё 11 декабря 1923 г. в своём рапорте писал, что Польша ещё не решила, «куда в её интересах обращаться за руководством (!)». Она знает, чего ожидать от Франции, но понимает, что этого может быть недостаточно, потому может задать курс Великобритании. В связи с этим английские дипломаты стремились расширить британское влияние на польскую экономику (базой его мог стать тот факт, что 26 ноября 1923 г. был подписан Торговый

и навигационный договор, который основывался на принципе наибольшего благоприятствования [2, s. 40]). 14 июня 1924 г. торговый договор был ратифицирован Польшей, торговые отношения получили правовое оформление.

Британские дипломаты поддерживали действия миссии финансовых экспертов Эдварда Хилтона Юнга, после её приезда – рекомендованный ею проект финансовой реформы. Последняя рекомендовала сбалансировать бюджет, но правительство эндека Владислава Грабского отказалось, как и от назначения постоянного финансового советника [1, s. 238, 242].

Учитывая позицию эндеков, в сфере внутривосточной британское посольство проявляло интерес к левице (ППС и «Вызволене»): она была наиболее критична к Франции, наиболее лояльна к Германии, выказывала склонность к контактам с Лондоном. Она представляла Польшу как «мост» между соседними государствами, как основу для британского проникновения в СССР, в таком случае Польша могла бы выполнить роль противовеса немецкому влиянию [2, s. 78]. Она подчёркивала, что концепция «Польша – барьер» уже неактуальна. Контактировали с левыми польскими политиками прежде всего Р. Липер и Фрэнк Сэйвери, но их лояльные по отношению к Польше донесения часто критически воспринимались в Форин Оффис [1, s. 251–260].

В целом, в 1924 г. в сфере торгово-экономической тесного сотрудничества не обозначилось. Как писала польская исследовательница М. Новак-Келбикова, после открытия англо-советских переговоров о заключении торгового соглашения Польша превращалась в избыточное звено [2, s. 57].

Со своей стороны, польские политики пытались привлечь внимание британских дипломатов к проблеме польско-литовских отношений, пытаясь подать информацию в выгодном для себя свете и заручиться поддержкой лейбористского правительства. 2 апреля 1924 г. У. Макс Мюллер в послании Р. Макдональду передавал содержание ноты МИД Польши, в котором указывалось на заявление литовского премьер-министра от 24 марта о том, что польские претензии на Мемель (сегодня Клайпеда – Е. Д.) теперь отошли в прошлое, Литва могла посвятить все усилия возвращению Вильно (сегодня Вильнюс – Е. Д.). Это заявление вызвало волнения в Польше, так как здесь считали вопрос о Вильно решённым. Польский МИД сообщал британскому дипломату о новых преследованиях поляков в Литве, концентрации войск на границе. Он указывал, что Литва не пойдёт на провокацию, если не будет уверена в поддержке из вне. И в поисках этой поддержки она смотрела на Восточную Пруссию, где разоружение «фарсовое»,

и на Советскую Россию, где войска сконцентрированы на границе. Польский МИД уверял, что польское правительство проявит сдержанность, но общественное мнение Польши не потерпит попытки отторжения Вильно, этот шаг неизбежно поведёт к войне с непредсказуемыми последствиями для Европы. МИД Польши надеялся на сдерживающее влияние Великобритании на Литву. Сам британский посланник не разделял опасения Польши, но отмечал, что «продолжающаяся политика «булавочных уколов» со стороны Литвы неизбежно вызывает раздражение по эту сторону границы, что в этой части мира чревато определённой опасностью; ни Лигой, ни каким-либо союзным правительством ничего не было сделано, чтобы убрать причины этой опасности, как в других регионах. Надеюсь, правительство Великобритании продумает способ оказать сдерживающее давление на Ковно (сегодня Каунас – Е. Д.) и вынудить Литовское правительство возобновить отношения с Польшей и принять *fait accompli* в вопросе Вильно в обмен на суверенитет над Мемелем» [11, р. 762–761].

Со своей стороны, британский посланник из Ковно писал, что литовская пресса полна угроз со стороны Польши в связи с якобы изгнанием из Литвы многочисленных семей поляков, которые прибыли в Вильно после грубого преследования их со стороны литовских властей. Также «МИД Латвии пред моим отъездом из Риги выразил озабоченность, что Польша может совершить какой-то акт насилия» [11, р. 762].

Какова же была реакция Р. Макдональда? Посланнику в Литве он писал, что отношение Польши выглядит опрометчивым и провокационным, но и литовское правительство тоже есть в чём упрекнуть; следует сделать намёк литовскому правительству, что «следует избегать действий и заявлений, рассчитанных на то, чтобы обидеть Польшу и усилить неприязнь». Судя по полученному ответу, позиция Литвы не изменилась, она не желала отказываться от претензий на Вильно [11, р. 763].

Посланника в Польше он просил проинформировать правительство, что Лондон поддерживает необходимость признания литовского правительства со стороны Польши. Однако, У. Макс Мюллер предложил выждать более подходящий момент: «Просить польское правительство признать Литву пока та сохраняет детские претензии на состояние войны означает ставить телегу перед лошадью» [11, р. 766]. В следующем послании британский дипломат из Варшавы разъяснял, что польское правительство готово принять статус-кво в отношении Мемеля, если он обеспечит безопасность свободной торговой навигации по Неману и использование порта, включая транзит людей и товаров, почтовое и телеграфное сообщение Польши и Мемеля. «Эти права важны для интересов британской торговли лесом особенно сейчас,

когда почти подписан контракт о Беловежской пуще» [11, р. 768]. Приводя эти аргументы, британский дипломат пытался добиться понимания позиции Польши в Великобритании и уменьшить резкость посреднических попыток Р. Макдональда.

Так же действовал британский посланник в Литве Джон Воган. Он писал, что рекомендует правительству Великобритании не делать обзывающих категорических заявлений по Вильно, так как это может создать неудобство, если этот вопрос когда-нибудь окажется на повестке дня в Лиге Наций [11, р. 768].

Позиция посланников повлияла на лейбористского главу Форин Оффис. Он написал об этом послу в Париже, указав, что не стоит акцентировать «раздражительный» вопрос польско-литовских отношений. «Полагаем, что эффекта можно достичь лишь, обращаясь одновременно к обоим сторонам. Очевидно, что в последние четыре года агрессивные и провокационные действия не были монополией лишь одной стороны». Он предложил, чтобы Конференция послов продумала идентичное обращение к Польше и Литве, которое бы содержало предложения по улучшению отношений между обеими странами» [11, р. 769]. Уже в мае в связи с подготовкой проектов коммюнике Литве и Польше Р. Макдональд писал в Париж, что «и польские, и литовские политики, к сожалению, склонны время от времени к провокационным заявлениям» [11, р. 776–777]. 2 июня 1924 г. после согласований между союзниками ноты были отправлены Литве и Польше по вопросу их взаимоотношений [11, р. 780]. Однако, как известно, к немедленному признанию и разрешению противоречий между Польшей и Литвой это не привело. Кроме того, не обеспечены в полной мере оказались и торгово-экономические интересы Великобритании в регионе. 1 октября Р. Макдональд писал британским дипломатам о необходимости проинформировать литовское правительство, что его позиция (создание сложностей для организации сплава по Неману – Е. Д) вызывает значительное нарушение интересов Великобритании в торговле лесом, что может привести к потере Мемелем большей части экспорта леса и упадку порта [11, р. 804–807].

Объектом внимания Великобритании в середине 1920-х гг. был также вопрос о положении национальных меньшинств в Польше. В 1922 г. Артур Гендерсон, характеризуя внешнеполитическую программу лейбористов, писал, что «Мы будем выступать против попыток эксплуатации подвластных народов или неразвитых стран, придавая полную огласку фактам» [12]. Учитывая это, понятно почему 29 января Р. Липер писал Р. Макдональду, что в Варшаве уверены: смена правительства в Лондоне приведёт к более критическому отношению

к проблеме национальных меньшинств в Польше, потому польское правительство считает, что должно объяснить какую роль в польском государстве, оно надеется, эти меньшинства будут играть в будущем. Из этих меньшинств наиболее многочисленные и важные в политическом плане по мнению поляков – Ruthenians – под этим названием они имеют в виду украинцев и белорусов. Пока никакого прогресса в этих вопросах достигнуто не было: ни реформы органов местного самоуправления в восточных регионах, ни учреждения «Ruthenian» университета. Эти проблемы считаются наиболее насущными. В Польше присутствует мнение, что Россия проявляет тенденцию к панславизму. Западная Европа не должна воспринимать её с невозмутимостью, так как она может быть угрозой для Европы в целом. Польша всегда будет противостоять панславизму и попытается стать противовесом России в этом, пытаясь привлечь к себе славянские народы. На сегодняшний момент Прага лидирует в этом направлении. Хорошее отношение к нацменьшинствам может привлечь белорусов и украинцев за границами Польши, и это поможет в деле соперничества с Россией. Развитие органов самоуправления может вовлечь представителей нацменьшинств, оттянуть их от политической агитации [11, р. 731–733]. Такие заявленные Польшей планы должны были помочь добиться приятной позиции Великобритании в этом привлекавшем её внимание вопросе, так как рисовали перспективы превращения Польши в центр притяжения славянских народов, а в случае налаживания и укрепления британо-польских отношений, Соединённое Королевство могло усилить и собственное влияние в этом регионе.

Однако лейбористские политики отнеслись к таким перспективам скептически. Польский политик Станислав Тугутт, побывавший в Лондоне в апреле 1924 г., писал, что Польша не популярна в Англии, ей приписывают империализм, отсутствие чёткой программы в отношении меньшинств, зависимость от Франции. Тогда же в апреле 1924 г. британский делегат в Лиге Наций внёс предложение, чтобы вопрос о национальных меньшинствах рассматривался как и вопрос о мандатах. Это означало, что суверенитет Польши над территориями, населёнными национальными меньшинствами, является временным. К. Скирмунт высказал в Форин Офис протест со стороны Польши. В ответ ему сообщили, что этот вопрос пока неактуален (но не понятно, не дойдёт ли до его обсуждения в ближайшем времени). Как результат М. Замойский активизировал политику в отношении Лиги Наций, выступил с концепцией проведения активной политики по отношению к Малому Версальскому договору, а именно «избегать унижающих обязательств» и добиваться «обобщения обязательств по отношению к меньшинствам на все государства Лиги» [2, s. 59–61].

Положение национальных меньшинств в Польше имело для Великобритании международное звучание: оно выступало раздражающим фактором для польских соседей СССР и Германии. 16 мая У. Макс Мюллер писал из Варшавы Р. Макдональду о ноте из Москвы с протестом против действий польского правительства в отношении русского и украинского меньшинств. Подобная же нота была недавно получена от Германии по вопросу положения немецкого меньшинства в Верхней Силезии [11, р. 778].

В ответ на эти сообщения, 29 июля Р. Макдональд выслал У. Макс Мюллеру в Варшаву «краткое изложение политики британского правительства в отношении украинской проблемы в Польше для общей информации и руководства». Он отмечал, что Великобритания получает многочисленные петиции с изложением бедствий украинского народа, стремящегося, чтобы Великобритания вмешалась и заставила польское правительство не только пойти на маленькие уступки, но и принять шаги для предоставления им полной автономии. В период Парижской конференции украинцы получили большую поддержку со стороны британской делегации. «Не вина британского правительства, что их надежды не сбылись. Упоминание автономии в преамбуле решения послов от 15 марта 1923 г. это декларация, которую, ожидается, Польша будет соблюдать. Она не предполагает дипломатического давления на Польшу. Это было решение союзников, и Великобритания не может предпринимать действия, которые позволяют украинцам надеяться, что их требования автономии встретят поддержку». Глава Форин Оффис указывал, что этот вопрос нужно оставить польскому правительству, если только оно не обратится за советом к Лондону. Для вмешательства Великобритании нет юридических оснований, если только через Лигу Наций в случаях, оговоренных в Малом Версальском договоре (договоре о меньшинствах). Задача этого договора – защита местных крестьян от плохого обращения, а не поддержка пропаганды со стороны интеллигенции, которая может привести к беспорядкам и нестабильности. Если Польша не будет соблюдать взятые на себя обязательства, должна оставаться возможность для нацменьшинств обратиться в высший суд, к Лиге Наций. «Они не должны считать, что лишены возможности добиться справедливости». Однако за политикой Польского правительства в украинском вопросе нужно было внимательно следить. Польский план колонизации был назван неудачным, его реализация создавала много проблем. Так что, если он не совпадёт с обязательствами Малого Версальского договора, Великобритания без сомнений поддержит вмешательство Лиги Наций. Р. Макдональд рекомендовал неофициальными беседами и советами подталкивать польское правительство к созданию

эффективной системы управления: создание земельных банков, страховок, помощи в продаже, организации образования, необходимого для развития сельского хозяйства. В целом, правительство Великобритании не склонно было поощрять распространение пропаганды среди меньшинств с политическими целями или давить на польское правительство, чтобы то расширило свои обязательства, обозначенные в Малом Версальском договоре. Если же выяснится, что Польша без причины не выполняет эти обязательства, правительство Великобритании могло инициировать или поддержать действия Лиги Наций [11, р. 793–796]. Как видим, в вопросе национальных меньшинств, позиция премьера-лейбориста была исключительно прагматична.

Летом 1924 г. М. Замойский покинул пост главы МИД Польши. Его занял Александр Скшиньски. О целях политики он говорил: стремиться к сотрудничеству равно с Великобританией и Францией, охранять итоги Версальского мира; в вопросах польского коридора, Горной Силезии и Вильно Польша готова сражаться даже с риском собственного уничтожения [1, s. 246]. В этой ситуации обсуждение «плана Дауэса», намечавшее путь к примирению Германии с Западной Европой, вызывало в Польше усиление опасений немецкой ревизии. В ходе работы комиссии экспертов под руководством Чарльза Дауэса (январь – апрель 1924) британские эксперты заняли пронемецкую позицию [13, s. 95]. 30 августа 1924 г. план был принят. Лондонская конференция принесла Германии выход из изоляции в Западной Европе, Великобритания добилась согласия с Францией в деле отношений с Германией, что Польшей рассматривалось, как ухудшение её геополитического положения. В Варшаве укрепилась мысль, что польско-британское сближение при текущей власти в Лондоне нереализуемо. В итоге анализа ситуации в Польше У. Макс Мюллер в годовом рапорте за 1924 г. пришёл к выводу, что именно «союз с Францией остаётся краеугольным камнем политики Польши» [1, s. 244].

В 1924 г. сближение позиций Соединённого Королевства и Франции проявилось в форме определённого проекта. Премьер-министр и министр иностранных дел Франции Эдуар Эррио и министр внутренних дел Великобритании Артур Гендерсон предложили проект протокола о мирном урегулировании споров (позже станет известен как Женевский протокол – Е. Д.). Им предусматривалась процедура принудительного арбитража, формулировалось определение агрессора, как государства, которое не соглашается перейти к процедуре арбитража или подчиниться решению третейского суда; против агрессора могли использовать санкции, предусмотренные в ст. 16 Устава Лиги, расширялась компетенция Постоянного международного трибунала, предполагалось создание

демилитаризованных зон между государствами. 2 октября 1924 г. Ассамблея Лиги провозгласила принятие протокола с поправками Великобритании: каждое государство будет сотрудничать с подписантами в соответствии со своим географическим положением, протокол войдёт в силу после принятия на международной конференции плана разоружения. Польша поддержала протокол, надеясь, что он будет дополнительным фактором по сдерживанию агрессии Германии. Это позволяло надеяться на сближение позиций Польши и Великобритании по вопросу системы безопасности, усилить международные позиции Польши. Но на том же заседании Р. Макдональд назвал ошибкой польско-немецкую границу в Горной Силезии, предлагая передать вопрос Совету Лиги для пересмотра. [2, s. 74–75, 77]. Такая позиция лейбористского министра развеивала надежды Варшавы.

29 октября 1924 г. на всеобщих выборах лейбористы потерпели поражение, консерваторы, получив большинство, получили право формировать правительство. 4 ноября 1924 г. произошла отставка лейбористского правительства Р. Макдональда.

Уже после его отставки обсуждался в Великобритании вопрос о ратификации Женевского протокола или возможности предложить альтернативный вариант: Германия гарантирует определенные территории, то есть западные границы, в отношении восточных границ она готова передавать любые проблемы, возникающие из-за них, на арбитраж. Р. Макдональд, выступая в ходе такого обсуждения в Палате общин парламента высказывался в пользу пакта. Он указывал, что «если в Европе снова начнется война, я очень сомневаюсь, что эта война возникнет из-за прямого конфликта между Францией и Германией из-за пограничных проблем. Я не думаю, что это вообще вероятное событие. Если снова начнется война, то это произойдет потому, что более крупные державы Европы – нам нет нужды продолжать упоминать их – подружились с меньшими державами, с менее безопасными державами, с менее устоявшимися державами <...> Подружившись с этими меньшими державами, они сформировали группы, не определенные, не изложенные на бумаге, не подчеркнутые как союзы, но были сформированы группы реального военного и политического значения <...> в игру вступают старые исторические разногласия, и Европа снова оказывается в тисках войны». Лейбористский политик выступил против локальных соглашений, которые направлены были на удовлетворение чувства безопасности только отдельных стран: «Безопасность – это вымысел ума. Величайшее заблуждение милитариста заключается в том, что безопасность – это нечто, имеющее форму ружья, которым кто-то может управлять на конце. Вот где он всегда ошибается. Вот где он вводит

в заблуждение нацию <...> Вы можете иметь свои секционные соглашения и договоренности, вы можете, если того потребует случай, сегодня умиротворить Францию, завтра Германию, на следующий день порадовать Польшу и послезавтра приласкать доктора Бенеша. Это только на время». Р. Макдональд рассматривал локальные соглашения как временные решения, в то время как «Протокол предусматривает арбитраж каждой трудности, которая достигает стадии войны. Если Константинополь попадает в такое положение, то он предусмотрен в Протоколе. Если границы Востока попадают в такое положение, то арбитраж предусмотрен в Протоколе» [14].

В поддержку пакта выступил и депутат-лейборист Хейстингс Лис-Смит. Он указал, что любые альтернативные проекты – специальный Договор или Пакт о союзе с Францией, Пакт пяти держав, включающий Германию, – несут в себе немалые риски. «Мы знаем речь, которую министр иностранных дел Польши произнес три недели назад, в которой он определенно заявил, что любой пакт, в котором Польша не участвует, будет причиной войны, а не мира, и что Франция была лишена в силу своего соглашения с Польшей возможности вступать в какие-либо гарантии, договоры или пакты, в которых Польша также не была бы участником» [14].

Вне парламентских стен лейбористы защищали проект протокола в своих публицистических работах. Политик и дипломат Филип Ноэль-Бейкер в своей работе «Женевский протокол» в 1925 г. пропагандировал этот проект. В качестве аргументов автор приводил и несколько аспектов международного положения Польши. В частности, он писал о необходимости установить посредством Протокола контроль над альянсами. По оценкам автора, особенно нужно контролировать союзы Франции с Румынией и Польшей. Это обусловлено потенциальными рисками для самой Великобритании: «Эти союзы, откровенно направленные против совместной или групповой агрессии со стороны великих держав России и Германии, являются, как обстоят дела сегодня, возможно, наиболее вероятными из всех, которые рано или поздно будут введены в действие <...> Великобритания будет иметь совершенно особый интерес, если она даст Франции обязательство защищать ее от нападения. Ибо такое обязательство вовлечет нас, косвенно, это правда, но тем не менее несомненно, в результаты, к которым приведут эти союзы. Если, например, Россия нападет на Румынию, чтобы вернуть Бессарабию, Франция будет обязана сражаться, и это, если таковое вообще будет, будет моментом, который Германия выберет, чтобы отомстить Франции, и поэтому наши обязательства возникнут» [15, р. 164]. Во-вторых, лейбористский политик указывал, что Протокол наиболее вероятно будет использован в особенно трудных ситуациях, к которым причислял «отношения между

Россией и пограничными государствами. Никто не может предсказать, как будет развиваться нынешнее правительство России, но каким бы ни было его развитие, оно в любой момент может перестать довольствоваться своими нынешними западными границами. Прибалтийские государства, восточная граница Польши, Бессарабия, все это нынешние проблемы, которые должны беспокоить каждого, кто заботится о будущем мире» [15, р. 189].

Как видим, оценкам и действиям британских лейбористов в середине 1920-х годов в отношении Польши был присущ исключительный прагматизм.

Источники и литература

1. Piszczkowski, T. Anglia a Polska, 1914–1939. W świetle dokumentów brytyjskich / T. Piszczkowski. – Londyn : Oficyna Poetów i Malarzy, 1975. – 456 s.

2. Nowak-Kielbikowa, M. Polska-Wielka Brytania w dobie zabiegów o bezpieczeństwo w Europie, 1923–1937 / M. Nowak-Kielbikowa. – Warszawa : Państwowe Wydawnictwo Naukowe, 1989. – 588 s.

3. Трухановский, В. Г. Внешняя политика Англии на первом этапе общего кризиса капитализма (1918–1939) / В. Г. Трухановский. – М. : Изд-во Ин-та международных отношений, 1962. – 412 с.

4. Капитонова, Н. К. История внешней политики Великобритании / Н. К. Капитонова, Е. В. Романова. – М. : Международные отношения, 2016. – 840 с.

5. Сергеев, Е. Ю. Большевики и англичане. Советско-британские отношения, 1918–1924 гг.: от интервенции к признанию / Е. Ю. Сергеев. – Санкт-Петербург : Наука, 2019. – 831 с.

6. Суслопарова, Е. А. Первое лейбористское правительство 1924 г. в Великобритании / Е. А. Суслопарова // Преподавание истории и обществознания в школе. – 2019. – № 4. – С. 3–13.

7. Романова, Е. В. Перспективы торгово-экономического взаимодействия с Советской Россией/СССР в оценке британских правящих кругов (первая половина – середина 1920-х гг.) / Е. В. Романова. // Чичеринские чтения. СССР на мировой арене: самоидентификация и восприятие : Материалы Международной научной конференции. 24–26 ноября 2022 г. / М-во науки и высш. обр. РФ [и др.] ; отв. ред. В. В. Романов. – Тамбов : Издательский дом «Державинский», 2023. – С. 53–65.

8. Магадеев, И. Э. «Тень империй»: проблемы стабильности в Центральной и Восточной Европе в оценках британских дипломатов и политиков (1920-е годы) / И. Э. Магадеев // Новая и новейшая история. – 2021. – № 4. – С. 82–96.

9. Labour Manifesto 1922 // British general election manifestos 1918-1966 / compiled by F. W. S. Craig. – London : Macmillan, 1975. – 484 p.
10. 1923 Labour Party General Election Manifesto [Electronic resource]. Mode of access : <http://www.labour-party.org.uk/manifestos/1923/1923-labour-manifesto.shtml>. – Date of access : 15.03.2025.
11. Documents on British foreign policy 1919–1939. 1st Ser. / ed. by W.N. Medlicott. – London : Her Majesty's Stationery Office, 1984. – Vol. 25. – 953 p.
12. Henderson, A. The character and policy of the British Labour party \ A. Henderson // The international journal of ethics – 1922. – January. – P. 119–123.
13. Baumgart, M. Londyn – Berlin, 1918–1939 Niemcy w brytyjskiej polityce zagranicznej / M. Baumgart. – Szczecin : Archiwum państwowe, 1993. – 280 s.
14. British policy // House of Commons Debates. 24 March 1925 [Electronic resource]. – Mode of access : <https://api.parliament.uk/historic-hansard/commons/1925/mar/24/british-policy>. – Date of access : 15.03.2025.
15. Noel Baker, P. J. The Geneva Protocol / P. J. Noel Baker. – London : P. S. King & Son, Ltd., 1925. – 228 p.

УДК 94(47).084.5

М. В. Брянцев

Брянский государственный университет
имени академика И. Г. Петровского

**ПОЛЬША КАК ВЕРОЯТНЫЙ ПРОТИВНИК
В БУДУЩЕЙ ВОЙНЕ
(ПРЕДСТАВЛЕНИЯ НАСЕЛЕНИЯ ГОМЕЛЬСКОЙ ГУБЕРНИИ
ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ 1920-Х ГОДОВ)**

В статье на основе анализа информационных материалов рассматриваются представления жителей Гомельской губернии о вероятном противнике в будущей войне – соседней Польше. Автор приходит к выводу, что на всем протяжении 1920-х годов жители Гомельской губернии боялись беспокойного соседа, понимая, что одна Польша не будет воевать против СССР. За ее спиной маячили крупнейшие европейские державы и, прежде всего, Англия. Все это усиливало тревогу и многих приводило к выводу о неспособности СССР победить в возможной войне.